

Протоиерей Кирилл Копейкин –

кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, директор Научно-богословского центра междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского государственного университета

Демографический переход: на пороге новой парадигмы развития

В 1989 году на волне новых надежд после череды антикоммунистических революций в странах Восточной и Центральной Европы, падения Берлинской стены, прекращения существования Варшавского договора и вывода советских войск из Афганистана известный американский политолог и социолог Фрэнсис Фукуяма опубликовал статью «Конец истории?», на основе которой в 1992 году издал книгу «Конец истории и последний человек». Фукуяма утверждал, что в конце XX столетия во всем мире возник небывалый консенсус по вопросу о легитимности либеральной демократии как правильной системы правления и этот консенсус усиливался по мере отступления всех остальных идеологий — монархической, фашистской

и, наконец, коммунистической. «На наших глазах в двадцатом веке мир был охвачен пароксизмом идеологического насилия, когда либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны. Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще недавно “концу идеологии”, или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма», — отмечал он. Примечательно, что всего лишь год спустя после выхода в свет книги Фукуямы влиятельный американский

Эмануэль Лойце. Штурм теокалли конкистадорами Кортеса. 1848 год

социолог и политолог Сэмюэль Хантингтон опубликовал в американском политологическом журнале *Foreign Affairs* статью «Столкновение цивилизаций?», где высказал предположение, что «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций

Сэмюэль Хантингтон:

«В нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям».

станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов». Главные различия между цивилизациями — различия в понимании отношений между Богом и человеком, и как следствие — различия между индивидуумом и обществом, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой. Эти

различия более фундаментальны, нежели различия между политическими режимами и идеологиями. Разумеется, различия не всегда приводят к конфликтам, но прежде наиболее серьезные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями. С одной стороны, глобализация приводит к тесному соприкосновению различных цивилизаций и в результате —

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что численность человечества на протяжении всего времени своего существования растет по гиперболическому закону. Это было показано Хайнцем фон Фёрстером (на фото), Патрисией Мора и Лоуренсом Амиотом в 1960 году в статье «Конец света: пятница, 13 ноября 2026 года от Рождества Христова».

к росту цивилизационного самосознания. С другой стороны, глобализация ослабляет национальную идентификацию, которая все чаще восполняется идентификацией религиозной, порой — религиозно-фундаменталистской. В результате, полагает Хантингтон, главной осью международной политики станут отношения между Западом и остальным миром, а основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламских и конфуцианских стран.

Если говорить о том общем, что можно видеть во всех идеологемах, то таковым, несомненно, является стремление ко всемирному. Как бы внешне ни отличались программы переустройства общества, внутренний их пафос — в стремлении распространить свои идеи на весь мир. Фашизм проиграл в борьбе идей именно в силу своей националистической узости, коммунизм был силен своим интер-

национализмом, но делал ставку лишь на один из классов общества. Современный либерализм обращен к максимально широкому кругу людей. Пожалуй, это может быть расценено именно как знамение времени: всемирность, впервые возникшая как вселенность в лоне христианской церкви, престала быть абстрактной идеей и превратилась в насущную потребность времени. Победа либеральной модели собственно и знаменует собой, по мысли Фукуямы, «конец истории», которая отныне реализуется как история глобализации, история

формирования демократического государства, рыночной экономики и гражданского общества во всемирном масштабе.

Фукуяма подчеркивает, что подходит к концу не последовательность событий, а поиск той формы общественного устройства, которая способна удовлетворить самые глубокие и фундаментальные чаяния человечества. Это, разумеется, не означает, что конкретные демократические системы лишены каких-либо несправедливостей или социальных проблем. С точки зрения Фукуямы, сами эти несправедливости и проблемы обусловлены неполной реализацией демократических принципов — свободы и равенства, — а не дефектами самих принципов, сам идеал либеральной демократии улучшить нельзя. «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но ко-

нец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества в универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления, — пишет Фукуяма. — Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров *Foreign Affairs* по международным отношениям будут пустовать, — ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания, в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот — идеальный — мир и определит в конечном счете мир материальный».

Рассуждения Фукуямы могут быть соотнесены с исследованиями глобальных демографических процессов, принятыми в рамках нового научного направления — клиодинамики — способа исторического исследования, использующего моделирование динамики исторических процессов при помощи математических методов. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что численность человечества на протяжении всего времени своего существования растет по гиперболическому закону. Это было показано Хайнцем фон Фёрстером, Патрисией Мора и Лоуренсом Амиотом в 1960 году в статье «Конец света: пятница, 13 ноября 2026 года от Рождества Христова». Согласно их исследованиям, если бы численность человечества продолжала расти так же, как она росла до 1960 года, то динамика роста населения Земли могла бы быть аппроксимирована следующей простой формулой:

$$N = C / (T_0 - T),$$

где N — численность населения Земли, C — константа, совпадающая по порядку с

возрастом Вселенной, T — время, а T_0 — 2026 год. Исходя из этой формулы, развитие человечества связывается с фиксированной временной точкой T_0 13 ноября 2026 года, когда численность человечества должна стать бесконечной.

Несмотря на кажущуюся простоту этой формулы, ее смысл весьма глубок. Прежде всего, рассматривая все человечество в целом, мы исходим из неявного предположения, что оно в каком-то смысле представляет собой некую «сверхцелостность» — нечто подобное несепарабельной квантово-механической системе — своего рода «коллективного Адама», бытие которого имеет поистине планетарное значение. Это заставляет вспомнить экологическую концепцию Гайи, выдвинутую в 70-е годы XX века Джеймсом Лавлоком, согласно которой Земля, заселенная живыми организмами, представляет собой саморегулирующуюся систему, своего рода колоссальный суперорганизм, каждый из «органов» которого находится в тесной взаимосвязи со всеми остальными и необходим для поддержания гомеостаза. Похоже, что человечество в целом представляет собой своего рода «распределенный разум», который, как и разум отдельного человека, «отрицает» свой природный субстрат, но в то же время в известном смысле преодолевает и выходит за его пределы.

Но человечество имеет не только планетарное, но и космическое измерение — об этом свидетельствует наличие в приведенной выше формуле константы C , имеющей размерность времени и совпадающей по порядку с возрастом Вселенной. Удивительная корреляция между количеством живущих на планете Земля людей и временем существования Вселенной от-

сылает нас к так называемому антропному принципу, суть которого состоит в том, что параметры Вселенной поразительно точно соответствуют параметрам человеческого существования. Кроме того, по мысли Джона Уиллера, нелокальность квантовой механики вкупе с невозможностью исключить наблюдателя из «картины мира» приводит к тому, что миллиарды наблюдателей, воспринимая мир здесь и сейчас, порождают совокупный образ Вселенной, в определенном смысле становясь со-участниками продолжающегося творения мироздания. Таким образом, приведенная выше формула, описывающая динамику роста населения Земли, свидетельствует в пользу того, что бытие «коллективного Адама», похоже, действительно имеет воистину вселенское значение.

Примечательно, что демографический рост не зависит ни от ресурсной базы, ни от каких бы то ни было войн и эпидемий. По всей вероятности, в этом также проявляется сверхприродность человека. Даже Первая и Вторая мировые войны, унесшие жизни миллионов людей, практически никак не повлияли на глобальную динамику роста населения Земли. «Так, от пандемии чумы в 1348 году в Европе умерло не менее трети населения, а в отдельных странах, например в Норвегии, вымерла половина жителей, — отмечал Сергей Капица. — Не меньший урон приносили войны. Однако человечество в целом показало исключительную глобальную устойчивость своего роста и развития, на фоне которого указанные потери были не более чем проходящими, хотя и трагическими, эпизодами истории». У животных — иначе: численность их популяции зависит именно от ресурсной базы. Очевидно, что динамика роста чело-

вечества обусловлена наличием принципиально иных факторов, нежели динамика популяции животных.

О радикальном отличии человека от всех остальных живых существ свидетельствует и еще один любопытный факт. В природе существует тесная связь между размерами живого существа и той территорией, которую оно занимает. Понятно, что на одном квадратном километре слонов будет меньше, чем муравьев, потому что слону для жизни необходима большая площадь. И если на графике мы по вертикали отложим количество живущих на Земле особей определенного размера, а по горизонтали — сам размер, то мы увидим, что людей должно быть примерно столько же, сколько обезьян того же роста. Если бы численность человечества подчинялась «естественным» закономерностям, нас должно было бы быть порядка 100 тысяч. Между тем количество людей значительно больше, и не в 10 раз, не в 100, не в 1000, а в 100 тысяч раз. Видно, что человек просто «выпадает» из того ряда, в который вписываются все живущие на Земле животные.

Уже после выхода в свет работы фон Фёрстера, Мора и Амиота реальная динамика роста населения Земли стала все дальше отходить от гиперболической зависимости. Темпы прироста численности населения резко снизились, и начало формироваться то, что получило наименование глобального демографического перехода. Если на протяжении всей предшествующей истории — от каменного века до настоящего времени — наблюдался гиперболический рост народонаселения, то сегодня — за микроскопическое по историческим масштабам время — происходит изменение закона, действовавшего на протяжении тысячелетий. Все преды-

дущие локальные демографические спады были связаны прежде всего с увеличением смертности вследствие различных катаклизмов — войн, голода, эпидемий, — после которых человечество быстро восстанавливалось и выходило на прежнюю траекторию. Но нынешнее снижение темпов роста населения вызвано совершенно другой причиной — резким снижением рождаемости. Причем оно никак не связано с ресурсным кризисом, а напротив, наблюдается на фоне роста ресурсной базы. Более того, рождаемость падает в первую очередь в промышленно развитых странах, где, казалось бы, ресурсов гораздо больше, чем в странах развивающихся. Возникает впечатление, что на протяжении жизни двух поколений происходит что-то вроде фазового перехода, перехода на новый — нетипичный для всей прежней истории — режим развития, в определенном смысле «отменяющий» всю предшествующую историю. Этот переход отражается в культуре — начинается эпоха Постмодерна, которой свойственно ощущение завершенности пути европейской цивилизации предшествующих столетий, распада традиционной системы ценностей. Ситуация, в которой общество оказалось сегодня, называется демографическим переходом потому, что происходящие процессы напоминают процессы фазовых переходов в мире физическом. Типичный пример фазового перехода — кипение воды. Мы наливаем воду в кастрюлю, ставим ее на огонь, и температура воды растет. Чем больше мы подводим к кастрюле тепловой энергии, тем быстрее она нагревается. Но в тот момент, когда температура воды достигает 100 градусов, начинается фазовый переход: вода закипает и из жидкой фазы пе-

реходит в газообразную. При этом, как бы мы ни увеличивали приток тепла к кастрюле, вода выше ста градусов (при атмосферном давлении) не нагреется.

С чем же может быть связан такой переход? Сергей Капица предложил рассматривать найденную фон Фёрстером, Мора и Амиотом гиперболическую закономерность не просто как эмпирическую формулу, но как первый шаг к построению модели. Разумеется, формальную математическую модель нельзя однозначно проецировать на мир человеческой истории. Правильнее было бы сказать, что количественная модель свидетельствует в пользу начинающегося качественного изменения характера исторического процесса.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от демографических моделей, строящихся на биологических предположениях, для которых прирост численности пропорционален размеру популяции:

$$dN / dT = aN,$$

(где a — константа), для описания динамики человеческой популяции в глобальных масштабах следует использовать квадратичную зависимость скорости роста от численности популяции:

$$dN / dt = N^2 / K^2.$$

Здесь безразмерное время $t = (T - T_1) / \tau$, где $T_1 = 2007$ год, τ — характерное время жизни человека (Капица полагает его равным 42 годам), а $K = 67\,000$ — безразмерный параметр, характеризующий масштаб численности когерентной группы людей и определяющий коллективный характер того взаимодействия, которым обуславливается рост. Иначе говоря, $K = 67\,000$ — это скорость роста

за поколение как результат бинарного взаимодействия групп по K человек в каждой. Решением этого уравнения как раз и является:

$$N = C / (T_0 - T).$$

Причина возникновения именно квадратичной зависимости заключается в том, что человечество представляло собой единую систему, внутри которой происходят парные межличностные взаимодействия и скорость роста отдельных частей которой существенно зависит от общего размера всей системы. Именно информационное взаимодействие, по мнению Капицы, является основным механизмом, отличающим человека от остальных животных, для которого характерен линейный закон:

$$dN / dT = aN.$$

Лауреат премии памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам Дуглас Норт утверждает, что главной целью человеческих устремлений является желание уменьшить число неопределенностей существования в мире и превратить неопределенности в контролируемые риски, для того чтобы сделать мир более предсказуемым. Иначе говоря, достичь того, что, в частности, вкладывается в библейское выражение «обладать землей». «Общая характеристика человеческой истории, — пишет Норт, — состоит в систематическом снижении уровня воспринимаемой неопределенности, связанной с физической средой и, следовательно, с сокращением тех источников неопределенности, которые должны объясняться при помощи убеждений, включенных в колдовство, магию и религии. Но если неопределенность, связанная с физической средой, уменьшалась,

Питер Брейгель Старший. Триумф смерти. 1562 год

следствием этого становилась намного более сложная социальная среда. И хотя нам удалось добиться определенного прогресса в понимании этой социальной среды, наше понимание очень ограничено и включает в себя множество иррациональных объяснений».

Поскольку рост человечества зависит исключительно от его численности, а не от каких-либо внешних условий и ресурсных ограничений, то логика диктует искать причину демографического перехода внутри самого человека. Причина эта, по мысли Капицы, связана с тем, что резкое увеличение интенсивности межличностного взаимодействия, радикальное увеличение скоростей информационного обмена, произошедшее на протяжении жизни последних двух поколений (возникновение того, что принято назы-

Демографический рост не зависит ни от ресурсной базы, ни от каких бы то ни было войн и эпидемий. По всей вероятности, в этом также проявляется сверхприродность человека.

вать информационным обществом), натолкнулись на естественное ограничение — длительность человеческой жизни, лимитирующую процесс приобретения и усвоения новых знаний. Человеческая цивилизация — это цивилизация информационная, точнее — цивилизация идей, цивилизация логосная. «Именно идеи и их результаты, — утверждает Норт, — <...> являются фундаментальной движущей силой человеческого состояния». С ним согласен и историк экономики Джоэль Мокир: «Содержание экономической истории западного мира сводится к материализации его идей».

Сегодня едва ли не общим местом стало утверждение, что

современные экономики — это экономики, основанные на знаниях. Но ведь так было всегда. Даже доиндустриальное аграрное общество не может существовать без колоссального массива знаний, касающихся того, когда и как следует сеять, удобрять, поливать, собирать урожай и т.п. Тем более это справедливо для общества индустриального, использующего достаточно сложные технологии. По мнению Мокира, ключевую роль в построении экономики знаний играет создание эффективных механизмов превращения теоретических знаний, или, как их называет Мокир, Ω-знаний о высказываниях, в технологии, или — в терминологии Мокира —

Сергей Капица (на фото) предложил рассматривать найденную фон Фёрстером, Мора и Амиотом гиперболическую закономерность не просто как эмпирическую формулу, но как первый шаг к построению модели. Разумеется, формальную математическую модель нельзя однозначно проецировать на мир человеческой истории. Правильнее было бы сказать, что количественная модель свидетельствует в пользу начинающегося качественного изменения характера исторического процесса.

практичные λ-знания. Эффективное функционирование таких механизмов становится возможным в значительной степени именно благодаря интенсификации информационного обмена.

Происходящее на рубеже тысячелетий замедление темпов роста населения Земли Капица связывает с радикальным возрастанием интенсивности информационных потоков. По его мнению, отдельный человек просто не успевает приспособливаться к этим стремительным изменениям. Впрочем, дело здесь не просто в информации. Интенсификация процессов взаимодействия между логосами членов социума приводит к тому, что общество выходит на качественно новый уровень. Оно превращается в своего рода «сверхорганизм», чем-то подобный несепарабельной квантово-механической системе, живущей по законам, отличным от законов развития

систем, состоящих из относительно изолированных элементов. На этом фоне происходит кризис ориентированных на предание религиозных институций, всегда бывших хранителями фундаментальных ценностей, которыми человек жил тысячелетиями. Профессор нравственной философии Адам Смит был убежден в том, что нравственность является одним из основных факторов национального богатства. Хранителем традиционной системы базовых ценностей в обществе является Церковь. Кризис системы ценностей и кризис данного института взаимосвязаны и имеют своим следствием развитие кризисных тенденций глобального характера. Преодоление этих кризисных явлений как на глобальном, так и на национальном уровне требует объединения всех сил и потенциалов культур. Поэтому на современном этапе развития общества вновь возрас-

тает значение как традиционных религий, так и новых религиозных движений, определяющих свое место в стремительно меняющемся мире и выступающих за взаимообогащающий творческий диалог с современной наукой, являющейся главным фактором ускорения цивилизации.

Рассчитывая динамику роста населения Земли, Капица предлагал учитывать характерное время жизни человека, которое определяется «внутренней предельной способностью системы человечества и человека к развитию» (с известной долей условности это время может пониматься как некий параметр, характеризующий динамику внутреннего мира — динамику, связанную с облаченностью человека в кожаные ризы). Учет естественных граничных условий (с одной стороны, вначале скорость роста человечества не может быть меньше, чем появление хотя бы одного человека за время жизни одного поколения, с другой стороны, по мере приближения к точке демографического перехода максимальный прирост человечества за год не может быть больше численности самого населения) приводит к решению, не уходящему в бесконечность, но стабилизирующемуся на уровне 9–12 миллиардов человек:

$$N = (C / \tau) \operatorname{arcc} \operatorname{ctg} ((T_1 - T) / \tau),$$

где T_1 — параметр, равный 2007 году нашей эры — середине второй фазы глобального демографического перехода, τ — характерное время жизни человека — порядка 42 лет. Из этой формулы, в частности, следует, что характерное время демографического перехода составляет 2τ , то есть приблизительно 85 лет.

Следует отметить, что предложенная Капицей модель далеко не единственная. Суще-

ствуют и другие попытки объяснения феномена демографического перехода. Если модель демографического императива Капицы основывается на предположении, что предел экстенсивного роста человечества обусловлен ограниченной возможностью человека усваивать новую информацию, то модель технологического императива ограничение роста связывает с насыщением жизнеобеспечивающих технологий. С тем, что дальнейший прогресс не позволяет существенно увеличить продолжительность жизни и уменьшить смертность. Наконец, модель культурного императива связывает замедление наблюдавшегося вплоть до 1970-х годов гиперболического роста с выравниванием уровня образованности развитых и развивающихся стран, что приводит, с одной стороны, к ускорению экономического роста, с другой — способствует сокращению рождаемости и существенному снижению темпов роста населения. С точки зрения этой модели, основной причиной глобального демографического перехода является рост стоимости человеческого капитала: для воспитания конкурентоспособного члена современного постиндустриального общества требуются огромное количество средств, времени и усилий. А потому происходит неуклонное снижение рождаемости как способа компенсации роста затрат. Примечательно, что все эти модели предсказывают остановку роста и стабилизацию численности населения Земли, то есть фактически наступление новой исторической эпохи.

Похоже, что сегодня наша Земля оказалась в ситуации такого фазового демографического перехода, когда человечество — человечество как целое, как некий сверхорга-

низм — переходит в какое-то новое состояние. Причем глобальный демографический переход происходит практически одновременно во всем мире, несмотря на разницу исторических путей и экономических потенциалов. И хотя в так называемых развивающихся странах темпы роста населения значительно превосходят темпы роста населения в развитых странах, но даже и там эта скорость начинает снижаться по мере роста экономического потенциала. Если раньше развитие общества зачастую (особенно в советской экономической модели) характеризовалось количественными показателями (величиной валового национального продукта, объемом собираемой пшеницы или выплавляемой стали), то сегодня, по видимому, мы дошли до рубежа, дальше которого двигаться по той же траектории уже невозможно. Теперь, с наступлением эпохи демографического перехода, количественный рост приостанавливается. «В обозримом будущем нас ожидают переход к новой парадигме развития человечества, переход к обществу, где знания и система образования будут определять развитие, — убежден Капица. — Поэтому должна произойти столь же резкая, как изменение скорости роста, смена целей и ценностей в жизни человечества».

Ощущение радикальных, едва ли не катастрофических перемен пронизывало уже мироощущение начала прошлого столетия. «Двадцатый век наступил непросто. Ведь из четырех цифр сорвались с места три: одна из девяток перескочила к единице, и два нуля многообещающе расчистили дорогу идущему электромагнитному веку», — писал Кузьма Петров-Водкин в своей автобиографической повести «Пространство Эвклида». Пе-

ремены, даже чисто «нумерологические», происходящие теперь, несравнимо больше: уже три нуля расчищают дорогу новому — правда, пока не ясно, какому, — веку.

По мнению Капицы, происходящий сегодня демографический переход — наиболее глубокое изменение в жизни человечества за всю его историю. Это слом всей парадигмы развития человечества, это качественно иной путь развития. «Никакие события — ни эпидемии или войны, ни даже изменения климата — несоизмеримы с теми, которые ныне разворачиваются», — убежден он. Сейчас мы, как считал ученый, находимся на пороге нового состояния мира. «Мы переживаем эпоху стремительного цивилизационного перехода к новой форме развития, при котором миллион лет неустанного количественного роста сменяется предвидимой эрой качественного совершенствования человечества», — заключал он. «После перехода история, естественно, будет продолжаться, но есть все основания предполагать, что развитие будет совершенно иным», — считал ученый.

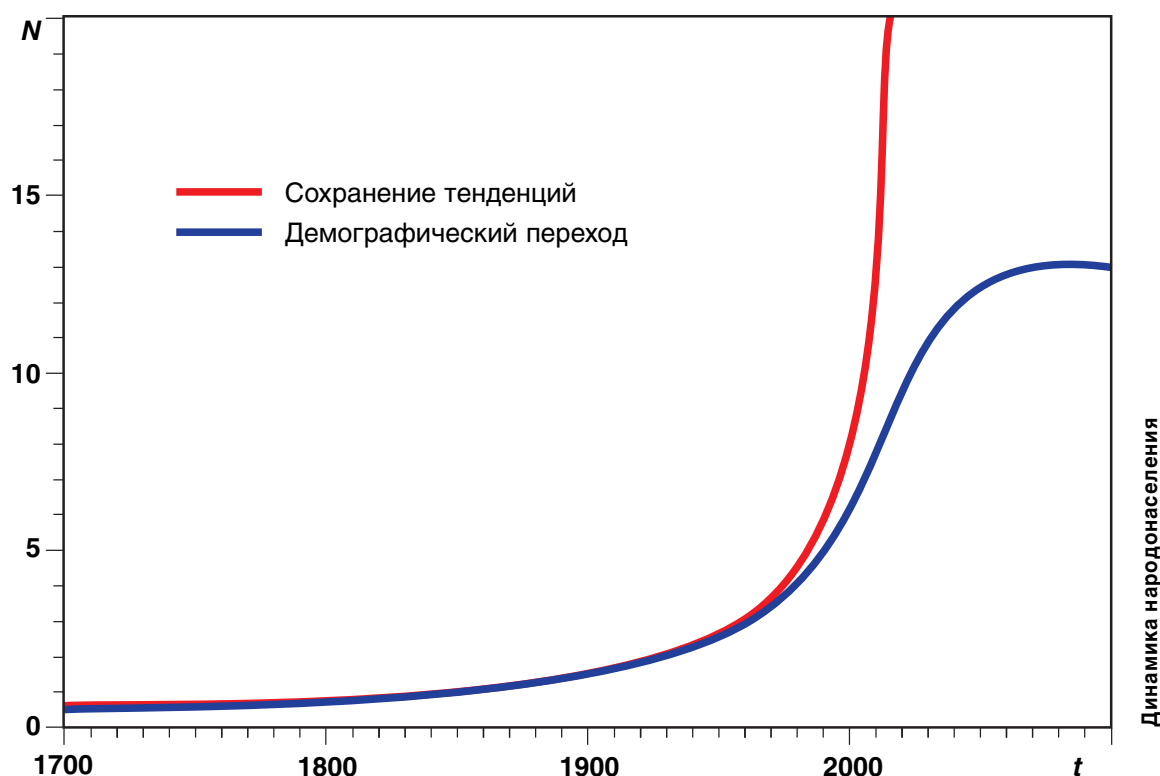
Следует подчеркнуть, что современная «капиталистическая» система хозяйствования, порой воспринимаемая как нечто потакающее человеческим страстям и потому разрушительное для души, возникла как раз из стремления обуздать страсти, подчинив их интересам. К XVII веку укрепилось представление о том, что религиозные предписания и морализаторская философия не в силах уничтожить или хотя бы подавить человеческие страсти. Однако страсти можно обуздать и заставить их работать на общее благо, уравнивая одни страсти другими. Когда стяжательство оказалось переименовано в «интерес», он стал рассматриваться как доминирую-

щий мотив человеческого поведения, представляющий собой тот реальный фундамент, на котором можно выстраивать жизнеспособный социальный порядок, главным достоинством которого была бы предсказуемость. Накопление богатства (как самоцель, а не для траты на вещи и развлечения, распалаяющие другие страсти) стало одобряться как сильная, но при этом спокойная страсть, способная взять верх над множеством бурных, но более слабых страстей. Однако сама страстная природа человека осталась неизменной. Быть может то, что Капица называл «предвидимой эрой качественного совершенствования человечества», будет означать в том числе и работу над исцелением раздираемой страстями души. Ведь сегодня, по словам Норда, «борьба с неопределенностью, связанной с физическим окружением, уступила место борьбе с неопределенностью, вызванной возрастанием сложности людского окружения». Разумеется, утверждать, что все предшествующее развитие было преимущественно количественным, было бы чрезмерным упрощением. Правильнее было бы сказать, что раньше изгнанный из рая и облаченный в кожаные ризы человек был вынужден прежде всего бороться за свое телесное выживание, и именно на это с необходимостью направлялись основные усилия общества. Сейчас, после промышленной революции, которая была революцией идей, ситуация изменилась. Ныне человек стал более независимым от собственного «телесного попечения» — как от своего природного окружения, так и от необходимости в поте лица есть хлеб свой (Быт 3:19). А потому появляется надежда на то, что человек сможет реализовать свое высшее призвание — стремиться к

Богу, к личному со-общению с Ним, «к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп 3:14). Ведь «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4:4; Лк 4:4; Втор 8:3). И «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф 16:26; Мк 8:36-37; Лк 9:25) Ныне все чаще можно слышать предостережения по поводу приближающейся глобальной катастрофы. Между тем это слово в переводе с древнегреческого означает «ниспровержение», «поворот», «конец жизни», буквально — «раз-ворот», «(о)кружение», «об-(в)ращение», вообще — «п(р)оворот на другую строку развития», «выход на следующий уровень». И быть может, происходящее сегодня правильнее было бы называть не «концом истории», а концом пред-истории: настоящая — сверхновая, по-настоящему Большая — история человечества — история, которая разворачивается в том «внутреннем» мире, который собственно и является подлинно человеческим миром, только еще начинается.

В известном смысле нынешний демографический переход — логическое продолжение того процесса, который начался в выделенное Карлом Ясперсом «осевое время». Тогда в разных культурах, практически не связанных друг с другом, начали происходить сходные духовные процессы, суть которых, по Ясперсу, состояла в том, что именно в это время происходило смещение акцентов со внешнего исполнения традиционного ритуала на стремление к гармонизации с Творцом своего внутреннего мира. «Это движение, прошедшее всю Евразию, от Средиземноморья до Тихого океана, высветлило словом и

мыслью тяжеловесные массы безличной “до-осевой” культуры и создало идею личностной, экзистенциальной ответственности перед лицом анонимного бытия-в-мире. <...> Оно послужило общим истоком для культур Востока и Запада, в силу чего противоположность между этими культурами оказывается заранее лишеной абсолютного характера», — писал Сергей Аверинцев, объясняя концепцию Ясперса. Ясперс назвал это время «осевым» именно потому, что начавшаяся в ту эпоху индивидуализация сознания заложила фундамент для грядущего усвоения библейского Личностного Откровения. Одним из зримых проявлений начавшегося процесса расширения внутреннего пространства является происходящий сегодня процесс десекуляризации общества. На смену секулярному обществу, то есть обществу, вытеснившему все религиозное из «внешнего» социального космоса в сферу частной жизни индивида, во внутреннее, субъективное пространство, приходит постсекулярная эпоха. Важным симптомом «постсекулярности» являются рост числа новых религиозных движений и возвращение религии в общественную и политическую жизнь. Религии становятся субъектами мировой политики, религиозные идеи прочно встраиваются в светскую идеологию, а религиозные доктрины, приспособиваясь к окружающей реальности, политизируются. Зачастую новые религиозные движения строятся по принципу коммерческой корпорации. Фандрайзинг, менеджмент и прочие особенности этих движений позволили Элвину Тоффлеру в его «Третьей волне» говорить об их конкуренции с традиционными верованиями на «рынке спиритуальных товаров». Несмотря

на весь драматизм ситуации, Тоффлер убежден, что в самой гуще этого «спиритуального супермаркета» взойдут семена новой позитивной культуры, соответствующей требованиям нашей эпохи.

Как отмечает специалист по истории Ближнего Востока, философ и экономист Жорж Корм, «за последние несколько десятилетий религия исподволь пропитала собой все наше окружение, а может, даже вошла в число важнейших наших забот. <...> Мы открываем или, как считают некоторые, переоткрываем странный, тревожащий нас мир, считавшийся исчезнувшим. Это раньше мы были либералами, социалистами, коммунистами, националистами стран, недавно обретших независимость, могли различаться всевозможными расцветками, связываемыми с этими ярлыками, то есть быть ультраправыми, правыми, центристами, социал-демократами, марксистами, сторонниками Москвы или Мао, борцами за свободу третьего мира и т.д. Но теперь все ина-

Учет естественных граничных условий (с одной стороны, вначале скорость роста человечества не может быть меньше, чем появление хотя бы одного человека за время жизни одного поколения, с другой стороны, по мере приближения к точке демографического перехода максимальный прирост человечества за год не может быть больше численности самого населения) приводит к решению, не уходящему в бесконечность, но стабилизирующемуся на уровне 9–12 миллиардов человек.

че: мы в первую очередь — приверженцы «французской» светскости или «англосаксонского» мультикультурализма, жители новообразовавшихся стран, идущих к демократии, и, разумеется, иудеи, христиане и мусульмане, католики, протестанты, православные, сунниты, шииты, индуисты или буддисты». Это, впрочем, не означает десекуляризации мира, возврата к прежней — религиозной — системе ценностей, это именно после-секулярная эпоха. По мнению Корма «западное обращение к религии — идет ли речь о так называемых иудеохристианских ценностях или об использовании фундаментализма американских Церквей — свидетельствует не столько о

возвращении религиозности, сколько о противоположном — о *применении* религии. Такое применение затребовано необходимостью придать лоск легитимности политическим актам, которые, с точки зрения классических критериев нововременного гуманизма, сформировавшегося под влиянием философии Просвещения и Французской революции, представлялись совершенно нелегитимными». Но, как бы там ни было, смерть Бога обернулась смертью смерти Бога.

«То обстоятельство, что последнее крупное религиозное движение в человечестве — протестантская Реформация — имело место 400 лет назад, а последняя религия мирового

Одним из зримых проявлений начавшегося процесса расширения внутреннего пространства является происходящий сегодня процесс десекуляризации общества. На смену секулярному обществу, то есть обществу, вытеснившему все религиозное из «внешнего» социального космоса в сферу частной жизни индивида, во внутреннее, субъективное пространство, приходит постсекулярная эпоха.

значения, ислам, насчитывает уже 13 веков существования, выдвигается иногда как аргумент в пользу мнения, что религиозная эра в человечестве завершилась. Но о потенциальных возможностях религии как таковой, а не отдельных форм ее судить следует не по тому, как давно возникли последние крупные ее формы, а по тому, зашла ли эволюция религии в тупик, имеется ли возможность сочетать религиозную творческую мысль с бесспорными тезисами науки, а также еще и по тому, брезжат ли перед таким

мировоззрением перспективы осмысления жизненного материала новых эпох и возможно ли действенное и прогрессивное влияние религии на этот материал. Действительно, с последнего крупного религиозного движения международного размаха прошло около 400 лет. Но ведь и *перед* протестантской Реформацией подобных движений не было много столетий. Да и в этом ли дело? Разве еще не ясно, что определенное русло идейной, творческой работы человечества в последние века вбирало в себя почти все его

духовные и умственные силы? Трудно было бы ожидать, чтобы, осуществляя такой стремительный прогресс — научный, технический и социальный, создавая такие культурные ценности, как литература, музыка, философия, искусство и наука последних веков, человечество нашло бы в себе силы одновременно творить еще и универсальные религиозные системы. Но рубеж XX века как раз и явился той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. Область социально-политического действия вовлекает в себя — и чем дальше, тем определенной — не наиболее духовных представителей человеческого рода, а как раз наименее духовных. Образовался гигантский вакуум духовности, не существовавший еще 50 лет назад, и гипертрофированная наука бессильна его заполнить. Если позволительно подобрать такое выражение, колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда. Это и есть то лоно творческих сил, в котором зреет predetermined к рождению всечеловеческая интеррелигия», — полагал Даниил Андреев.

Известный немецкий философ Юрген Хабермас, один из теоретиков идеи секуляризации, сразу после событий 11 сентября 2001 года выступил с речью «Вера и знание», где высказал мысль о необходимости перехода от политики конфронтации между светским и религиозным мировоззрениями к их содержательному диалогу. В ходе развернувшейся широкой дискуссии начала формироваться новая — постсекулярная — концепция политического и культурного развития. В 2004 году папа-эмерит Бенедикт XVI встретился с Хабермасом. То было знаковое событие:

встреча двух ведущих ученых в области богословия и философии — представителей популярных аспектов постсекулярной парадигмы. В 2006 году в речи «Вера, разум и университет», произнесенной в Регенсбургском университете, Бенедикт XVI вновь актуализировал традиционный для западной богословской мысли тезис о том, что вера вовсе не противоречит разуму, ибо «действие против разума противоречит природе Бога», поскольку «Бог действует через логос. *Logos* означает одновременно разум и слово — разум, который является сотворяющим и способен сообщаться, но именно как разум. <...> В начале был *logos*, и *logos* есть Бог». С точки зрения папы, рациональность (логос) лежит в основе христианства, а потому он настаивает на «расширении нашего представления о разуме и его использовании». Таким образом, переход от конфронтации между религиозным и секулярным мировоззрениями к их партнерству и диалогу не только возможен, но и совершенно закономерен. Более того, «при всей радости по поводу возможностей человека мы видим также и угрозы, возникающие из этих возможностей, и нам следует спросить себя, как можно управлять ими. Нам это удастся лишь при условии, что разум и вера объединятся по-новому, — убежден Бенедикт XVI, — если мы преодолеем ограничение, поставленное самим разумом тому, что поддается исследованию опытным путем, и если вновь откроем ему всю его широту. В этом смысле богословие — не только как историческая и гуманитарно-научная дисциплина, но как богословие в полном смысле слова, то есть как вопрос о рациональности веры, — должно иметь свое место в университете и в рамках всестороннего диалога наук».

Похоже, что сегодня мир приблизился к некой «точке перегиба». Нынешний момент исторического процесса — особенный, убежден Ясперс. «По широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение. Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время», — писал он. До сих пор человек шел преимущественно по пути внешнего развития, чреватого цивилизационными кризисами. В известном смысле слова это было исполнением божественного повеления расти и множиться и обладать землей (Быт 1:22). Сегодня мы вплотную подошли к необходимости обратиться к постижению своего внутреннего мира. Постигание внешнего мира, сопряженное с освоением внутреннего пространства, даст возможность встать на позицию не противостояния миру, но предстояния ему. Это, в свою очередь, поможет в поиске путей выхода из нынешнего системного цивилизационного кризиса, позволит узреть новые пути развития человечества. «История ясно свидетельствует о том, что лишь в контексте подлинной культуры, ядром которой является широкое и глубокое чувство священного, мы будем в состоянии восстановить условия, необходимые как для самого прогресса, так и для веры в прогресс — в прошлом, настоящем и будущем» — такими словами завершает свое фундаментальное исследование «Прогресс: история идеи» выдающийся американский социолог Роберт Нисбет. Нисбет апеллирует к Алексису де Токвилю: «В века веры конечная цель жизни находится за пределами земного существования. <...> Религиозным народам часто удается исполнение великих замыслов и дея-

ний, надолго переживающих свое время. Они обнаружили, что, будучи занятыми мыслями о том свете, они открыли великий секрет успеха на земле. Религии прививают людям общие навыки поведения, обусловленные заботами о будущем. В данном отношении они не менее полезны для счастливой жизни на этом свете, чем для вечного блаженства. Это один из самых важных политических аспектов религий. Но по мере того, как свет веры меркнет, кругозор людей сужается, словно цели их деятельности с каждым днем кажутся им все более близкими. Как только они привыкают не думать о том, что будет после их смерти, они с легкостью вновь впадают в то полное, скотское безразличие к будущему, которое вполне соответствует определенным инстинктам человеческой природы. <...> Благодаря вечному вращению колеса фортуны значение настоящего сильно возрастает, оно заслоняет собой будущее, которое держится в стороне, и люди не хотят задумываться о чем-то более далеком, чем завтрашний день».

Питирим Сорокин, основатель социологического факультета Гарвардского университета, полагал, что исторический процесс представляет собой циклическую смену двух основных типов культуры — секулярной и сакральной. Современная культура, утверждал он, переживает кризис, связанный с господством материалистического мировоззрения и гипертрофированным развитием науки. Выход из этого кризиса он видел в развитии «идеациональной» культуры, ориентированной на сверхъестественное. Становление в XXI веке интегральной культуры, по Сорокину, предполагает беспрецедентный синтез рациональной, чувственной и сверхсознательной стихий.